

§ 2. Роль Академии наук в общественной жизни России

Мы отмечали выше, что сложное положение, в котором оказалась Академия наук к началу 1890-х годов, объяснялось крайне скудным финансированием академической науки в пореформенное время. Это же стало одной из веских причин того, что Академией в известной степени была утрачена роль общероссийского центра науки и культуры. Впрочем, и логика жизни страны в условиях весьма ощутимой внутривнутриполитической реакции исключала нормальное развитие данной академической традиции. Позитивные тенденции, которые начали достаточно четко проявляться в деятельности Академии в эти годы, имели и причины объективного порядка. К этому времени все явственнее и определеннее в жизни России начали проявляться элементы новых буржуазных общественных отношений. Причем новое, опираясь на свои растущие финансовые возможности, подчас эффективно влияло на многие надстроечные институты. Именно данный могучий фактор в большой степени обусловил на рубеже веков успехи и достижения в развитии отечественной науки и культуры, позволил начаться «серебряному веку» в литературе и искусстве.

На рубеже веков сильно изменился личный состав Академии наук, она пополнилась 68 новыми членами. Среди вновь избранных академиков многие являлись учеными с мировыми именами. Назовем некоторых из них:

- математики А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов, А. Н. Крылов;
- физики Б. Б. Голицын, М. А. Рыкачев, П. П. Лазарев;
- астрономы Ф. А. Бредихин, А. А. Белопольский;
- геологи Ф. Н. Чернышев, Е. С. Федоров;
- историки и филологи А. А. Шахматов, А. Н. Пыпин, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, Ф. И. Успенский;
- востоковеды В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр;
- физиолог И. П. Павлов; минералог В. И. Вернадский; химик Н. С. Курнаков; ботаник И. П. Бородин.

Перечисление звезд первой величины, появившихся на небосклоне отечественной науки на рубеже веков, можно было бы продолжить.

Это были первоклассные ученые, труды которых завоевали признание в России и за рубежом. Эти изменения, безусловно, способствовали поднятию авторитета Академии, укреплению ее роли общероссийского центра науки.

С середины 1890-х годов начали укрепляться связи Академии с высшими учебными заведениями, в первую очередь, с университетами: Петербургским, Московским, Казанским, Харьковским, Дерптским; с институтами: Горным и Технологическим в Петербурге; с Военно-медицинской академией. Большое число ученых начали заниматься преподавательской деятельностью. Так, в Петербургском университете читали лекции А. И. Ляпунов, В. А. Стеклов, А. С. Фаминцын, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов и др., Ф. Н. Чернышев преподавал в Горном институте, Н. Н. Бекетов на Высших женских курсах и т. д.

Постоянными стали контакты Академии с Русскими императорскими обществами: Географическим, Минералогическим, Историческим, Техническим и др. Необходимо отметить, что из года в год росло число постоянных корреспондентов Академии в российской провинции, прежде всего сотрудников местных ученых архивных комиссий, земских деятелей, музейных работников.

При самом активном участии Академии организовывались и проходили съезды российских ученых, назовем только некоторые из них: I Метеорологический съезд (1900 год), XII съезд естествоиспытателей и врачей (1909 год), Съезд русских ботаников (1915 год) и др.

Известно, что византийская культура являлась одним из важнейших источников становления и развития российской цивилизации. Поэтому изучение истории, быта, искусства и науки христианского Востока объективно являлось важной задачей наших ученых.

В начале 1890-х годов в ученых кругах России с новой силой стала обсуждаться идея коренного улучшения организации изучения памятников истории и культуры Византии. В частности, профессорами Новороссийского университета Н. П. Кондаковым, А. И. Кирпичниковым и Ф. И. Успенским был подготовлен и представлен в Министерство народного просвещения «Проект учреждения Русского археологического института в Константинополе». Согласно проекту, на содержание этого небольшого научного учреждения требовалось 12 тыс. руб. в год. Проект был одобрен

Министерством иностранных дел, обер-прокурором Святейшего Синода, но не получил поддержки в Министерстве финансов, «ввиду слабого поступления государственных доходов»¹.

Однако эта идея была поддержана Академией наук. В декабре 1892 года один из инициаторов этого дела, Никодим Павлович Кондаков, был избран членом-корреспондентом Академии наук по Историко-филологическому отделению. После очередного прохождения всех стадий согласования соответствующие документы были направлены в Государственный Совет. Соединенные департаменты Экономии и Законов рассматривали этот вопрос в двух заседаниях: 4 декабря 1893 и 24 февраля 1894 года. Причем, и это нам кажется не случайным, именно 4 декабря 1893 года второй автор проекта, Федор Иванович Успенский, был избран членом-корреспондентом Академии наук².

Во втором заседании Государственного Совета принимали участие президент Академии и специально прибывший для этой цели из Константинополя посол России А. И. Нелидов, также горячий сторонник создания института. Было принято следующее решение:

— «Проекты устава и штата Русского археологического института в Константинополе представить на утверждение государя».

— «Потребный на содержание означенного института расход в 1894 году в размере 6 000 руб. золотом, а начиная с 1895 года, в размере 12 000 руб. золотом ежегодно обратить на средства Государственного казначейства»³.

Итак, устав и штаты института были утверждены Александром III в Гатчине 23 мая 1894 года. Директором института был назначен Ф. И. Успенский, который 20 лет бессменно с успехом занимал этот пост. Следует сказать несколько слов о судьбе этого уникального в своем роде научного учреждения. Уже в 1896 году вышел в свет первый том «Известий Русского археологического института», а всего за 20 лет существования института было издано 15 томов научных трудов⁴. Ежегодно проводились весьма интересные экспедиционные работы, регулярными были ученые собрания актива института. Успешно комплектовались ценные коллекции и библиотека, в которой удалось сосредоточить более 12 тыс. томов по византиноведению. Все это было прервано началом Первой мировой войны. В ноябре 1914 года турецкое

правительство конфисковало ценные коллекции и библиотеку, и все это было передано в Османский музей. В свою очередь, российские власти в 1916 году вывезли из занятого нашими войсками Трапезунда часть коллекций редких рукописных памятников. Они хранились частично в здании мужской гимназии в Батуми, а частично были перевезены в Петроград, в Азиатский музей.

В 1924 году, по инициативе Ф. И. Успенского, руководство Российской Академии наук начало предпринимать попытки восстановления Русского археологического института в Константинополе. Была начата соответствующая переписка с Советским правительством, а затем, на уровне Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), с правительством Турции. В Академии были подготовлены проекты устава, штатов, смет научного учреждения. Необходимо отметить, что и в правительстве СССР, и у правительства Турции эта идея на первых порах находила полную поддержку. Вся эта переписка хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁵.

Было достигнуто, на правительственном уровне, соглашение об обмене коллекциями и библиотеками, захваченными во время войны обеими странами. Так, в декабре 1927 года наша Академия направила в НКВД четыре тюка «с 15-ью рукописными Коранами, вывезенными в свое время из Трапезунда, — для отправки этих рукописей анкарскому правительству в обмен на коллекции и библиотеку Археологического института»⁶.

Проблема эта так и не была решена до конца. Полагаем, что главной причиной этого стали резкое изменение внутривосточной ситуации в СССР, свертывание новой экономической политики и начало тотального сталинского террора, безусловно, к этому времени произошли изменения и во внешней политике, проводившейся правительством СССР.

Одним из свидетельств растущего авторитета Академии являлся тот факт, что именно Академии передавались различными меценатами денежные средства для поощрения лучших научных и литературных трудов. В 1890 году в одной из записок, направленных Академией в Министерство просвещения, указывалось, что ей предоставлен отдельными ревнителями просвещения «капитал, достигший ныне внушительной цифры полмиллиона рублей», а проценты от этой суммы идут для премирования лучших работ, представляемых на конкурсной основе в Академию⁷. Кроме того,

после неоднократных ходатайств руководителей Академии, 13 января 1895 года Николаем II был дан министру финансов С. Ю. Витте высочайший указ, в соответствии с которым при Академии учреждалась Постоянная комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, а равно их вдов и сирот о производстве им денежных пособий и пенсий. Указом для этих целей была определена и сумма в размере 50 тыс руб., которая ежегодно должна была передаваться Академии из Государственного казначейства.

Для этой комиссии были разработаны проекты Положения о ней и Правил, оба этих документа были направлены министру финансов на заключение. Сергей Юльевич 29 апреля 1895 года возвратил документы, присовокупив, что «по содержанию означенных Положения и Правил я никаких возражений не имею»⁸. Уже на следующий день Положение и Правила были утверждены великим князем Константином Константиновичем. Таким образом при Академии и была создана Комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, просуществовавшая до Октябрьской революции.

По Положению, исполнение обязанностей председателя комиссии возлагалось на вице-президента, а непрменный секретарь Академии являлся товарищем председателя. Следовательно, в первый состав ее вошли академики Л. Н. Майков и Н. Ф. Дубровин — по должности; по приглашению президента Академии в нее вошли в качестве членов граф А. А. Голенищев-Кутузов, М. А. Загуляев и в качестве кандидата в члены К. К. Случевский. На Общем собрании, проходившем 13 мая 1895 года, в члены комиссии были дополнительно избраны академики В. Р. Розен, П. В. Еремеев и А. Н. Веселовский. За время существования комиссии состав ее неоднократно менялся.

Теперь несколько слов следует сказать о деятельности этой комиссии. Пункт 1-й Правил гласил: «Воспособления, выдаваемые состоящею при Императорской Академии наук Постоянною комиссией нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, в силу Высочайшего указа 13-го января 1895 года могут быть двух родов: а) в виде пенсий пожизненных или назначаемых до известного срока; б) в виде временных пособий»⁹.

Как уже отмечалось, основные средства, поступавшие в распоряжение комиссии из Государственного казначейства, составляли

50 тыс. руб. в год. Кроме того, Положением предусматривалось использование и частных пожертвований. Изучение документов комиссии за весь период ее деятельности показывает, что эти суммы были весьма незначительны. Например, это были ежегодные «пожалования» от вдовствующей императрицы Марии Федоровны в размере 300 руб. и т. п.

Комиссия регулярно проводила заседания, на которых и рассматривались ходатайства и заявления об оказании помощи нуждающимся представителям науки и культуры, затем своими постановлениями распределяла конкретные суммы денег конкретным лицам. Отчет о деятельности комиссии всегда входил в сводный отчет Академии наук. Для примера возьмем выдержку из отчета комиссии за 1913 год: «Комиссия в отчетном году имела 22 заседания. В них рассмотрено 912 ходатайств, из коих удовлетворено 782, отклонено 124 и остались нерешенными 6. Единовременных пособий выдано на сумму 10 705 руб. 10 коп. Выдано пособий, сроченных по полугодиям, — трем лицам и сроченных по месяцам — 129 лицам на сумму 22 870 руб. Большинство пособий колебалось между 15 и 25 руб. Пенсии имени императора Николая II выдавались 47 лицам на сумму 16 769 руб.»¹⁰. Думается, что приведенная выдержка дает представление о масштабах и формах работы комиссии.

Необходимо отметить, что «география» оказания помощи комиссией была весьма обширна. Для примера возьмем фрагменты из постановления комиссии от 2 июня 1895 года, которым различные денежные пособия были назначены представителям отечественной интеллигенции, проживающим в различных «градах и весях» империи: писательнице Е. А. Ждан (г. Ялта), кандидату университета А. С. Черокову (г. Тифлис), вдове писателя П. П. Каратыгина, А. Ф. Каратыгиной (г. Саратов), учителю Н. П. Сенигову (г. Москва) и т. д.¹¹ Деятельность этой академической комиссии сама по себе интересна и поучительна, но, к сожалению, является забытой страницей в истории нашей Академии наук.

Пожалуй, наиболее отчетливо проявить себя в качестве общероссийского центра культуры Академии удалось в период подготовки и проведения 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина.

7 ноября 1898 года президентом Академии была получена по императорскому телеграфу телеграмма от Николая II из Ливадии:

«Очень благодарен за письмо, всецело разделяю то, о чем ты хлопотал...»¹² На телеграфном бланке Константином Константиновичем слово «письмо» было помечено звездочкой и прокомментировано: «Ходатайство об учреждении Высочайше утвержденной Комиссии по устройству празднеств 100-летия рождения Пушкина».

Вскоре императором была утверждена под эгидой Академии наук Комиссия по празднованию столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Состав ее был очень внушителен — в нее вошли представители нескольких министерств, видные деятели науки, литературы, искусства. Председателем комиссии стал президент Академии. Комиссией была выработана целая программа подготовки и проведения торжеств, также утвержденная царем. Согласно программе, столетие памяти А. С. Пушкина должно было быть ознаменовано особым торжеством и небывалом размахом. Достаточно сказать, что к празднованию привлекались все учебные заведения всех ведомств империи.

20 апреля 1899 года по всеподданнейшему докладу президента императором была утверждена еще одна комиссия — по проведению подписки и сооружению памятника А. С. Пушкину. Председателем комиссии также стал великий князь Константин Константинович. В ее состав вошли, кроме представителей ряда учреждений и организаций, академики Н. Ф. Дубровин, П. В. Никитин, А. Н. Веселовский; позднее, в 1904 году к ним присоединился и академик Н. П. Кондаков¹³.

Следует подробнее рассказать о деятельности юбилейной комиссии под председательством президента Академии. Даже простое перечисление мероприятий, осуществленных ею, впечатляет сегодняшнего читателя.

— В обеих столицах были проведены циклы лекций, «чтений для народа» о жизни и деятельности А. С. Пушкина.

— Экспедицией заготовления государственных бумаг было осуществлено художественное (в несколько красок) издание «Песни о вещем Олеге» с рисунками В. М. Васнецова. Книга поступила в широкую продажу по цене 1 руб. за экземпляр.

— «Для распространения в России» большим тиражом был издан портрет поэта с известной гравюры Райта.

*Печатано как рукопись.***ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.****ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ.****№ V.**ЗАСѢДАНІЕ 1 мая 1899 г.**ПРИСУТСТВОВАЛИ:**

Президентъ: Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Вице-президентъ: академикъ Л. Н. Майковъ.

Непрѣжбанный секретарь: академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ.

Физико-математическое отдѣленіе.

Гг. академики:

Ф. В. Овсянниковъ.
 О. А. Баклундъ.
 Ѳ. В. Шмидтъ.
 Ѳ. А. Вредихинъ.
 А. С. Фаминицынъ.
 А. А. Марковъ.
 А. П. Карпинскій.
 В. В. Заленскій.
 М. С. Воронинъ.
 М. А. Рыкачевъ.

Г. адъюнкты:

Ѳ. Н. Чернышевъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности.

Гг. академики:

М. И. Сухомлиновъ.
 А. Н. Веселовскій.
 А. Н. Пыпинъ.

Историко-Филологическое отдѣленіе.

Гг. академики:

К. С. Веселовскій.
 В. П. Васильевъ.
 К. Г. Залеманъ.
 И. И. Янжулъ.
 Баронъ В. Р. Розенъ.
 В. К. Ернштедтъ.

НЕ ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Академики: Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ, Н. Н. Бекетовъ, А. О. Ковалевскій, Н. Я. Соинъ, В. В. Радловъ,
 В. Г. Васильевскій, В. В. Латышевъ, П. В. Никитинъ, С. И. Коржинскій, А. А. Шахматовъ и
 князь В. В. Голицынъ.

Собрание было открыто рѣчью въ которой старѣйшій изъ академи-

*Первый лист протокола заседания Общего собрания Академии наук
 от 1 мая 1899 года. Типографский оттиск.*

— Были отчеканены серебряная и бронзовая медали «для раздачи всем выпускным воспитанникам учебных заведений, удостоиваемым награждения в нынешнем году».

— Проведены работы по реставрации и охране могилы поэта в Святогорском монастыре.

— Имение Пушкина, село Михайловское, было приобретено государством с последующим предоставлением псковскому дворянству для устройства «какого-либо благотворительного учреждения, связанного с именем А. С. Пушкина».

— Начала проводиться повсеместная подписка на сооружение в Санкт-Петербурге памятника поэту.

— К юбилею вышел в свет 1-й том академического издания произведений А. С. Пушкина под редакцией академика Л. Н. Майкова.

Пожалуй, одним из главных событий юбилея стало учреждение в Академии наук Разряда изящной словесности и особого фонда имени А. С. Пушкина. На одном из заседаний юбилейной комиссии, проходившем в январе 1899 года, одним из ее членов, С. Ю. Витте, было сделано предложение о создании в Академии в память А. С. Пушкина особого Отделения изящной словесности. Дело в том, что до этого времени в составе Академии существовало Отделение русского языка и словесности (ОРЯС); оно занималось преимущественно изучением филологических проблем, и выдающиеся представители российской литературы в члены его не избирались. Однако в истории отечественной науки был период, с 1783 по 1841 год, когда параллельно с Санкт-Петербургской Академией наук существовала Российская Академия. Тогда членами Российской Академии являлись Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, Г. Р. Державин, П. А. Вяземский, И. А. Крылов и, наконец, сам А. С. Пушкин. В 1841 году по указу Николая I эта Академия была преобразована в Отделение русского языка и словесности Санкт-Петербургской Академии наук. Таким образом, создание Разряда изящной словесности в стенах Академии стало возрождением давней академической традиции.

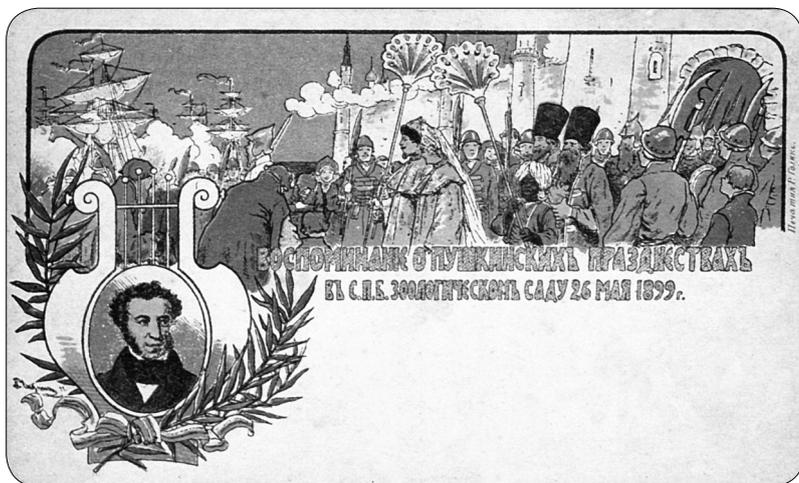
Император Николай II подписал 29 апреля 1899 года именной высочайший указ Правительствующему Сенату: «Одушевленные горячей любовью к родному языку и родной словесности, завещанною Нам Державными Предками Нашими, признали Мы за благо,

во внимание к представлению Его Императорского Высочества Великого Князя Президента Академии наук ознаменовать столетие со дня рождения великого русского писателя Пушкина учреждением в Императорской Академии наук посвященных его памяти: Разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина»¹⁴.

Вновь учрежденный Разряд изящной словесности должен был составлять одно целое с Отделением русского языка и словесности. В дни юбилея, как сейчас говорится, на всех уровнях, неоднократно упоминалось, что именно А. С. Пушкин состоял членом Российской Академии, на основе которой и было создано Отделение русского языка и словесности. Упомянутым императорским указом штат ОРЯС увеличивался на шесть новых должностей ординарных академиков. На образование пушкинского фонда, призванного способствовать изданию лучших произведений русских писателей, словарей русского языка и других трудов ОРЯС, было решено отпускать из Государственного казначейства ежегодно по 15 тыс. руб. 26 мая 1899 года в Большом зале Петербургской консерватории состоялось публичное торжественное собрание Академии наук в честь столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Президент выступил с речью, которая заключалась словами: «Если по лицу нашего обширного Отечества повсеместно празднуют сотую годовщину рождения этого певца из певцов, то где, как не в столице, которую воспел он в дивных стихах, и кому, как не Академии, коей он был лучшим украшением, восторженно воскликнуть: да живет вовеки в русских сердцах имя Пушкина — любовь, гордость и слава России»¹⁵.

Затем последовали речи академика А. Н. Веселовского «А. С. Пушкин — национальный поэт» и почетного члена Академии наук А. Ф. Кони «Нравственные и общественные взгляды А. С. Пушкина». После прочтения длинного ряда приветствий, полученных как со всех концов империи, так и из-за рубежа, собрание было закончено исполнением кантаты А. К. Глазунова на стихи Константина Константиновича.

В дополнение и развитие упомянутого выше указа о создании Разряда изящной словесности Николай II 23 декабря 1899 года дал еще один высочайший указ, которым конкретизировались задачи и права Разряда. В частности, указывалось: «Разряд изящной словесности составляют: 1) избираемые в действительные члены Академии писатели-художники и ученые-исследователи в области

*Почтовая открытка, выпущенная в честь 100-летнего
Пушкинского юбилея. Май 1899 г.*

словесности; 2) почетные академики и корреспонденты Отделения русского языка и словесности по Разряду изящной словесности. В почетные академики и корреспонденты Отделения избираются писатели-художники и литературные критики. Выборы производятся с разрешения Президента»¹⁶.

8 января 1900 года состоялись первые выборы в почетные академики по Разряду изящной словесности, ими стали Л. Н. Толстой, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев, А. П. Чехов, В. Г. Короленко и великий князь Константин Константинович (напомним, что с 1887 года он являлся еще и почетным членом Академии).

Первое соединенное заседание ОРЯС и Разряда изящной словесности состоялось 9 марта 1900 года и проходило в принадлежавшем президенту Мраморном дворце. В нем приняли участие почетные академики А. М. Жемчужников, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, В. С. Соловьев, В. Г. Короленко и др. Константин Константинович выступил с речью, в которой, в частности, сказал: «От души выражаю пожелание, чтобы доблестный круг ваш расширялся не по веянию партийного духа, а под влиянием строгой и осмотрительной

разборчивости, в силу уважения к нравственному облику избираемого и всегда согласно с чуткою художественной совестью. Недаром Пушкин от истинного художника требовал “взыскательности” и суд его над самим собою считал высшим судом»¹⁷.

Следует сказать несколько слов о деятельности Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину. С 1899 года этой комиссией производились различные мероприятия по сбору средств для этой цели. Была объявлена всероссийская подписка на это благородное дело. Для поощрения активных жертвователей был выпущен портрет поэта с надписью: «За пожертвования на памятник А. С. Пушкину». В целом ряде городов России были устроены платные концерты, благотворительные вечера, лекции; собранные от них средства также должны были идти на сооружение памятника.

Нам удалось выявить один интересный документ по истории этого вопроса — «Краткий отчет» о деятельности комиссии, составленный по состоянию на 9 февраля 1905 года¹⁸.

Конкретные цифры этого документа вызвали у нас удивление и даже некоторое замешательство. Речь идет о количестве тех денег, которые удалось собрать по всей России в виде частных пожертвований на сооружение памятника А. С. Пушкину. Комиссия со всей скрупулезностью подвела итоги этих сборов. Они, увы, оказались очень незначительны: за 1900 год — 952 р. 30 к.; за 1901 год — 740 р. 77 к.; за 1902 год — 83 р. 24,5 к.; за 1903 год — 137 р. 73 к.; за 1904 год — 160 р. 50 к.

Правда, от концертов и спектаклей, проведенных за эти же годы в ряде городов, удалось получить большую сумму — 12 979 р. 32 к.

Известно, что к юбилейным торжествам памятник поэту так и не был сооружен. Возможно, одной из веских причин этого было именно отсутствие необходимых денежных средств.

Таким образом, в своей работе над темой мы уже второй раз столкнулись с внушительным фактом, свидетельствующим о подлинном состоянии благотворительности в царской России. В первый раз мы вынуждены были констатировать, что за все долгие годы существования академической Комиссии для пособия нуждающимся ученым частные пожертвования, поступавшие в ее адрес, «были очень незначительны».

Чтобы сделать невеселое предположение, невольно зародившееся у нас, более доказательным, приведем еще один яркий

пример, хотя он и не связан напрямую с нашей темой. Речь пойдет о церковно-общественной благотворительности по фактическому материалу всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1911–1912 годы. В 1912 году в России насчитывалось 53 546 православных храмов, при них было создано 19 750 попечительств, через которые православный народ должен был осуществлять свои пожертвования в пользу церкви. Так вот, за весь 1912 год 99 166 662 жителя империи православного вероисповедания пожертвовали своей церкви 3 401 372 руб., или по 3,4 коп. на одну православную душу¹⁹. Отметив «усердие» верующих, авторы отчета сделали прискорбный вывод о том, что о какой-либо церковной благотворительности «говорить не приходится». Во всяком случае, многократные и весьма эмоциональные попытки современных журналистов и некоторых публицистов идеализировать эту сторону общественной жизни дореволюционной России требуют большего уточнения и большей конкретизации.

Следует напомнить, что именно в Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину зародилась идея создания Дома Пушкина. 22 сентября 1906 года на ее заседании обсуждался один из первых проектов Положения об этом учреждении. Пункт 1-й Положения гласил: «Дом Пушкина учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине для собирания в нем всего того, что касается Пушкина как писателя, человека и гражданина...»²⁰ После утверждения Николаем II в 1907 году «Положения о Пушкинском Доме» к комиссии перешли все заботы по собиранию памятников, связанных с жизнью и деятельностью поэта и вообще с пушкинской эпохой. Таким образом, Пушкинский Дом и стал памятником поэту.

Мы уже упоминали о том, что в период проведения юбилейных торжеств Академией были получены десятки приветственных посланий со всех концов России. Для нас важным является то, что в целом ряде из них Императорская Академия наук характеризовалась именно как общероссийский центр культуры. Приведем несколько конкретных примеров²¹:

— представители интеллигенции из Орла считали «юбилей, организованный Академией, залогом патриотической, плодотворной и просвещенной деятельности в будущем»;

— преподаватели учебных заведений Перми отметили: «Да процветают на пользу просвещения родной земли Русская наука, ее сердце, отечественная словесность, ее средоточие Императорская Академия наук!»;

— преподаватели и студенты Омского университета считали Академию «высшим средоточием умственной жизни России».

Академические ученые не оставались в стороне и от борьбы прогрессивных преподавателей и студенчества за демократизацию высшей школы. Так, в феврале 1899 года академики Н. Н. Бекетов и А. С. Фаминцын обратились к императору с письмом, в котором выразили свой протест против полицейских мер, которые применило правительство в отношении студенческих выступлений²².

В 1911 году Министерство народного просвещения, возглавляемое А. А. Кассо, в очередной раз применило жесткие полицейские меры против студенческих выступлений в Московском университете. В знак протеста университет тогда покинули многие профессора, и среди них такие ученые, как В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин и др.

Большую тревогу ученых вызывало существовавшее в России тяжелое положение с женским образованием. Оно складывалось десятилетиями, и концу XIX века это отставание от цивилизованных стран становилось нетерпимым. Президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу пришлось столкнуться с этой проблемой уже в самом начале своей деятельности. В сентябре 1889 года к нему обратился саратовский губернатор, генерал-лейтенант А. Косич, являвшийся близким родственником выдающегося математика С. В. Ковалевской, с просьбой содействовать возвращению талантливого ученого в Россию. Как известно, С. В. Ковалевская, получившая в Германии образование и степень доктора философии, после возвращения в Россию в течение нескольких лет не могла найти себе работу по специальности. В ноябре 1883 года она была вынуждена уехать в Швецию, а в июне 1884 года стала профессором Стокгольмского университета.

Ситуация, как мы видим, сложилась парадоксальная и, увы, довольно характерная для России. А. Косич, безусловно, был прекрасно осведомлен о прогрессивных взглядах нового президента Академии и надеялся на его поддержку. Он писал: «От Вашего

Высочества вполне зависит возвратить С. В. Ковалевскую России и Русской науке»²³.

Президент обратился за консультацией к академику П. Л. Чебышеву, который поддерживал научные и дружеские контакты с С. В. Ковалевской. Пафнутий Львович в своей «Записке» с основательностью и конкретностью, присущими крупным математикам, разъяснил драматизм ситуации. Суть проблемы сводилась к тому, что, будучи женщиной, С. В. Ковалевская, по всем действующим уставам учебных заведений Российской империи, могла стать только профессором на Высших женских курсах (естественно, при наличии вакансии). П. Л. Чебышев так прямо и указал, что это место «единственное для нее доступное» во всей России. Но в связи с тем, что «София Васильевна занимает очень важное и очень почетное место профессора Стокгольмского университета, едва ли она согласится возвратиться на родину»²⁴. Таким образом, С. В. Ковалевская до своей смерти оставалась «сеять разумное и вечное» на земле Швеции, и на чужбине стало одной могилой талантливого русского человека больше.

А. Косич ошибся, посчитав, что от Академии наук «вполне зависит» решение этого вопроса. Отменить законы феодальной монархии могла только революция или долгие десятилетия «правильного» эволюционного развития. Ученые сделали то, что было в их силах, — всемерно способствовали тому, чтобы 2 декабря 1889 года С. В. Ковалевская была избрана членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Физико-математическому отделению. В соответствии с академическим Уставом ей было присвоено звание иностранного члена-корреспондента.

Сегодня это выглядит парадоксально, но факт остается фактом, в конце XIX столетия некоторые самые видные представители российской правящей элиты являлись принципиальными и последовательными противниками введения женского образования в стране.

18 мая 1891 года в заседании соединенных Департаментов Государственного Совета слушалось «дело об учреждении Санкт-Петербургского Женского медицинского института», внесенное на обсуждение Министерством народного просвещения. Несмотря на то, что большинство членов Государственного Совета поддерживали эту инициативу, окончательное положительное решение

этого вопроса не состоялось из-за несогласия обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева.

В своем письме от 22 мая 1891 года к императору Александру III К. П. Победоносцев доложил об этом случае. Он, в частности, с негодованием указал на то, что институт это, «в сущности, будет не что иное как женский университет», и поэтому «сущность дела принудила меня по совести не согласиться, и я заявил отдельное мнение»²⁵.

Император полностью согласился с мнением своего принципиального «совестливого» учителя и прямо на полях этого письма «начертал» следующее: «Совершенно разделяю Ваше мнение, я всегда был и буду против этого ложного направления высшего женского образования».

Да что там толковать о необходимости введения высшего женского образования в империи, когда отдельные представители верховной власти являлись противниками развития высшего образования в целом.

Несколько ранее упомянутого выше факта, 20 ноября 1885 года государственный секретарь А. А. Половцев в письме к своему надежному единомышленнику К. П. Победоносцеву сообщал об очередной инициативе министра народного просвещения И. Д. Делянова. Министр поставил вопрос о необходимости открытия Сибирского университета в городе Томске и просил на его открытие и содержание 189 тыс. руб.

А. А. Половцев в своем письме, в частности, сказал о своем отношении к этой инициативе: «Я лично считаю это опасной политической ошибкой»²⁶. И уже совсем доверительно, с замечательным сарказмом и юмором отметил: «В этом случае Делянов напоминает мне Чичикова, который, торгуя мертвыми душами, считал нравственной обязанностью прочесть записки герцогини Лавальер».

Нам удалось выявить один интересный архивный документ, дополняющий наши представления о позиции Академии наук в решении данной проблемы. 26 февраля 1904 года президент Академии обратился с письмом к императору, где говорилось: «В настоящее время самая главная, самая существеннейшая и настоятельнейшая потребность русской школы, и средней, и высшей, состоит в необходимости совершенно изменить характер учения и приготовить учителей, которые могли бы осуществить

это изменение»²⁷. Автор письма, сославшись на опыт своей деятельности в качестве начальника военно-учебных заведений, а также на свой опыт с опекаемым Женским педагогическим институтом, делал вывод о том, что «надо готовить новых учителей и учительниц для новой школы». Конкретно же суть письма, направленного царю, сводилась к просьбе о выделении 400 тыс. руб., для того чтобы приобрести для института «подходящий дом», где можно было бы «развернуть учебное дело».

Конечно, письмо было направлено не в самый удачный момент — шла русско-японская война. Поэтому президент попытался, сделав соответствующий реверанс, воззвать к высшей государственной мудрости, которой должен был бы обладать император: «Для покупки дома необходимы средства, и, казалось бы, во время войны нельзя о них заикаться. Но война и ее тяготы преходящи, а потребности жизни Государства не перестают нарастать»²⁸.

Об этом письме царю докладывал только что назначенный министром финансов Владимир Николаевич Коковцов, он же на письме сделал следующую помету: «Его Императорское Величество повелел отклонить. С.-Петербург, 12 марта 1904 г. ».

На наш взгляд, Николай II не являлся большим противником женского образования в России, но в военно-феодальной монархии война или ведущаяся долгие годы подготовка к ней всегда оттесняли на самый задний и дальний план проблемы и потребности культуры и просвещения.

Первая российская революция стала кульминационным моментом истории России. Противоречия, накопившиеся за многие десятилетия, выплеснулись и ураганом пронеслись по стране. Более четкими и определенными стали позиции и взгляды различных классов, социальных групп, партий. Соответственно, большая «активность» в борьбе с пережитками феодализма была проявлена и научной общественностью России.

27 января 1905 года ежедневная петербургская газета «Русь» в рубрике «Общественные голоса» опубликовала статью «Нужды просвещения» («Записка» 342 ученых). Среди подписавших статью 17 человек являлись членами Императорской Академии наук. Следует учесть тот факт, что по состоянию на 1 января 1905 года в состав всех трех Отделений Академии входило всего 32 академика,

следовательно, «Записку» подписали более 50% от числа всех академических ученых. Это были известные в России и за рубежом ученые, представители точных и гуманитарных наук: И. П. Бородин, А. А. Марков, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, И. И. Янжул, С. Ф. Ольденбург и др.

По жесткости и эмоциональности «Записка» во многом походила на антицаристскую прокламацию. Приведем только две фразы из этой статьи: «Академическая свобода несовместима с современным государственным строем России»; «Правительственная политика в области просвещения народа, внушаемая преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку»²⁹.

Ответом на это выступление ученых стало циркулярное письмо президента Академии наук, направленное каждому из подписавших «Записку». Великий князь Константин Константинович согласился с выводом ученых в том, что школа в России «находится в тяжелом положении. Все это, к прискорбию, не подлежит сомнению и, как хорошо известно писавшим Записку, давно составляет одну из главнейших забот нашего правительства»³⁰. Сразу заметим, что в этом-то авторы «Записки» сильно сомневались и имели на то много веских оснований.

Далее в циркуляре шли довольно суровые упреки в адрес ученых и профессуры и не слишком тактичные поучения. Мы кратко, тезисно перечислим наиболее характерные из них.

— Ученые и профессора хотят «из науки сделать орудие политики, забывая свои прямые обязанности».

— Они должны были бы, «повинуясь закону, обратить исключительное внимание на служение науке и стремиться к усовершенствованию способов преподавания».

— Требуя необходимости политической свободы, они должны бы были «сперва освободиться от казенного содержания, коим пользуются от порицаемого им правительства».

— И вообще, следует избавить «нашу бедствующую в смуте и нестроении школу от пагубного вмешательства учащих и учащихся в политику».

В таком духе было выдержано все циркулярное письмо президента³¹.

Реакция коллег великого князя по Академии, многие из которых являлись учеными с мировым именем, была бурной и однозначной. Большинство из получивших циркуляр ученых посчитали необходимым направить президенту ответные послания. В фонде Константина Константиновича сохранились ответы от двенадцати академиков. Абсолютно все ученые в этих ответах не только не отказались от своих взглядов, высказанных в «Записке», но еще раз веско и аргументировано подтвердили их.

Мы посчитали возможным привести здесь фамилии всех ученых, направивших ответы президенту, поскольку, на наш взгляд, имеем дело с очень интересным и важным фактом в истории российской науки. Речь шла уже не о случайности и не о минутном порыве — взял и подписал что-то; речь шла о твердой гражданской и нравственной позиции. Это были академики: Н. Н. Бекетов, А. Н. Веселовский, К. Г. Залеман, В. В. Заленский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. М. Ляпунов, А. А. Марков, Ф. В. Овсянников, С. Ф. Ольденбург, А. С. Фаминцын, Ф. Н. Чернышев, А. А. Шахматов.

Некоторые яркие мысли из их писем мы приведем ниже. А. Н. Веселовский, отвечая на упрек о получении учеными казенного жалованья, отметил: «У многих ученых есть труды, ценность которых не измерить казенным содержанием, польза переживет всякие предостерегающие циркуляры»³². В. В. Заленский на рекомендации президента больше времени уделять научным занятиям, отвечал: «Судьями моей учебной деятельности были аудитории, которые я старался по мере сил воспитывать в любви к науке. Судьями моей ученой деятельности были ученые специалисты, русские и иностранные, компетентные в оценке моих ученых трудов»³³. Ф. В. Овсянников следующим образом развивал идеи, высказанные в «Записке»: «Если бы в России было обращено должное внимание на потребность народа в грамотности и в учении, дана была бы свобода слова и печати, она (Россия. — В. С.) пользовалась бы в настоящее время спокойствием внутри, силой и уважением извне»³⁴. Завершим свой самый краткий конспект этих интересных исторических документов репликой из письма А. С. Фаминцына: «Нигде законом не требуется, чтобы находящиеся на государственной службе лица не могли бы иметь своего особого мнения и обязаны бы были лишь восхвалять правительственные мероприятия и распоряжения»³⁵.

Великий князь, по всей вероятности, не ожидал столь единодушного и твердого ответа на свой циркуляр. Возникшая ситуация, на наш взгляд, вызвала у него, по меньшей мере, некоторое замешательство. Он обратился за советом к верному своему помощнику Павлу Егоровичу Кеппену; по опыту изучения документов архивного фонда президента знаем, что это он делал только в сложных жизненных ситуациях.

Сохранился написанный рукой П. Е. Кеппена текст краткой речи президента, призванной поставить точку в этом разрастающемся конфликте. На документе стоит карандашная помета самого Константина Константиновича: «Составлено П. Е. Кеппеном. Читано мною перед началом заседания Общего собрания Академии 5 марта 1905 г.»³⁶.

Текст речи ясно дает нам понять, что августейшему президенту пришлось отступить, выражаясь языком военных, «на заранее подготовленные позиции». Вначале он отметил: «Искренне верю, что все вы следовали велениям долга и совести; но прошу и вас верить, что я тоже по чувству долга и искреннего убеждения написал свою отповедь». Далее президент заверил присутствующих, что «было бы прискорбно, если бы в моем письме вы прочли что-либо исключаящее мое личное уважение к каждому из вас». Завершена речь была риторическим призывом: «Не будем отвлекаемы политическим разномыслием от ученых занятий».

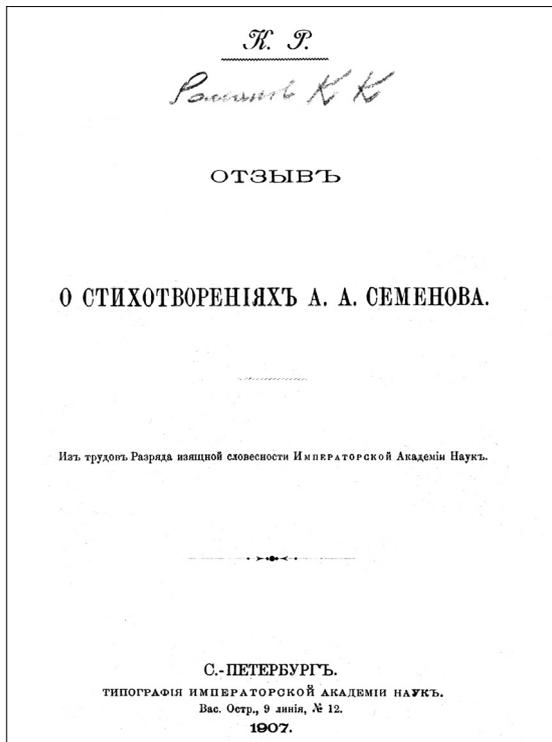
Конечно, в России не все разделяли взгляды, высказанные учеными в своей записке. Существовали и другие точки зрения по этому вопросу. Прежде всего, это было мнение официальных кругов, представителей власти.

Подобные охранительные тенденции были хорошо изложены в одном из писем главы правительства П. А. Столыпина к своему сподвижнику, редактору правительственной газеты «Россия» И. Я. Гурлянду.

П. А. Столыпин писал по этому поводу следующее: «Школа во время революции стала ареною политической борьбы; всякий честный деятель, желающий добра школе и молодежи (т. е. будущей России), независимо от своего политического Credo, должен был бы начать с очистки школы от политической нечисти»³⁷.

В письме давалась нелицеприятная оценка «академическому союзу профессоров, заискивающему перед революцией и танцующему под указку бунтующих студентов социал-революционеров».

И, наконец, высказывалось твердое убеждение в том, что ничто не заставит правительство «отдать массу русской молодежи в распоряжение политиканствующих левых профессоров».

*Отдельный оттиск одной из критических статей
великого князя Константина Константиновича. 1907 год*

Известно, что в период революции время как бы сильно «уплотняется», и важные события следуют почти непрерывно, буквально одно за другим. Архивные документы показывают, как довольно размеренный ритм «ученых занятий» Академии наук сменился чередой неординарных событий.

21 января 1905 года получило высочайшее утверждение Положение Комитета министров, согласно которому книги, признаваемые Министерством внутренних дел «политически вредными»,

направлялись «для отзыва в Императорскую Академию наук, а по предметам, по коим в Академии не имеется соответствующих специалистов, в иные учебные коллегии»³⁸. Таким образом, царское правительство сделало «ненавязчивую» попытку впрямь российских ученых в полицейско-жандармскую упряжку и заставить их принять посильное участие в решении нелегких задач политического сыска.

Общее собрание в своем заседании 5 февраля 1905 года единогласно постановило ходатайствовать перед правительством «об освобождении Академии от новых обязанностей, которые предположено на нее возложить»³⁹. Ученые обсудили и полностью одобрили подготовленную академиком Ф. Ф. Фортунатовым специальную «Записку» по этому вопросу. Позволим себе привести одну только выдержку из «Записки», которая неплохо отражает предмет нашего повествования. Ученые с решительностью и пафосом, характерными для начального периода революции, отмечали: «Но традиции, унаследованные Академией наук из почти двухвековой просветительной ее деятельности, слишком сильны и живучи: Академия, конечно, не изменит своему характеру, она останется на той высоте, на какую возвели ее труды людей науки, деятелей просвещения. Академия наук не согласится на роль эксперта в политическом суде над книгой и всегда, во всех без исключения случаях будет отстаивать право книги на существование»⁴⁰.

В соответствии с решением Общего собрания, президент Академии обратился к председателю Комитета министров С. Ю. Витте: «Прошу Вас ходатайствовать перед Государем императором о всемиловитейшем освобождении Академии от обязанности давать отзывы о книгах, признаваемых политически вредными»⁴¹. На заседании Комитета министров 26 апреля 1905 года рассматривался этот вопрос, и данное ходатайство было удовлетворено.

Под напором революционного движения правительством было создано в начале марта 1905 года под председательством Д. Ф. Кобеко Особое совещание для подготовки нового Устава о печати (т.е. для пересмотра существовавших цензурных правил). Группой академиков для этого Особого совещания была подготовлена «Записка о печати». Ученые подчеркивали, что «Академия наук, призванная служить благу русского просвещения, не может не

высказать Совещанию своего мнения о тяжелом положении, в котором просвещение находится у нас благодаря ныне действующим цензурным установлениям»⁴². Надо сказать, что позиция академических ученых в этом вопросе была и решительной, и радикальной. В этом документе они предлагали произвести «немедленное освобождение печати от системы произвола и излишних стеснений теперь же, до выработки нового цензурного устава». В заключение авторы «Записки» выразили свое твердое убеждение в том, что «освобождение печати неотложно: его ждет вся Россия». На Общем собрании Академии, проходившем 24 марта 1905 года, был обсужден доклад по этому же вопросу, подготовленный академиками А. С. Лаппо-Данилевским и А. А. Шахматовым. Собрание единогласно признало, что существует «главное, неотъемлемое право печати — право на свободу»⁴³.

К началу XX века празднование юбилеев, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся представителей культуры и науки, стало в Академии наук традиционным. Руководство Академии считало важным этот род деятельности, так как при этом достигались достаточно значимые результаты. Появлялась еще одна возможность отразить преемственность в развитии науки, показать ее значение в жизни общества, привлечь внимание государственной власти к насущным потребностям образования и науки, отдать дань уважения и памяти своим замечательным предшественникам и др.

Поэтому не был случайностью тот факт, что подготовку к празднованию 200-летнего юбилея М. В. Ломоносова руководство Академии наук начало заблаговременно, за два года до памятной даты.

Решение начать подготовку к Ломоносовскому юбилею было принято на Общем собрании Академии наук 11 октября 1909 года. Для этой цели была создана специальная комиссия, получившая следующее название: «Комиссия по вопросу о праздновании 200-летнего юбилея дня рождения Ломоносова» (далее везде — Комиссия). Председателем ее был избран неперменный секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург, в состав ее членов вошли академики Н. Н. Бекетов, Б. Б. Голицын, В. И. Вернадский. (от Отделения физико-математических наук) и академики В. И. Ламанский, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов (от Отделения русского языка и словесности)⁴⁴.

За два года деятельности состав Комиссии неоднократно изменялся, в частности, в нее вошли историки Б. Н. Меншуткин и Б. Л. Модзалевский.

Комиссия за недолгий период своего существования провела большую по своим масштабам научно-организационную работу. Достаточно сказать о том, что в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится отдельный фонд этой Комиссии (№ 57), в состав которого вошло 495 дел, отражающих во всех деталях ход подготовки и проведения Ломоносовского юбилея.

Прежде всего, Комиссией была организована работа по выявлению и, по возможности, получению в распоряжение Академии наук документальных материалов, связанных с жизнью и деятельностью М. В. Ломоносова. Соответствующие запросы были направлены в десятки архивов и библиотек, как России, так и зарубежных стран. В результате этой деятельности в Академию наук поступил большой объем ценных материалов, которые впоследствии также вошли в состав документов Архива РАН. Например, из Архива Архангельского губернского правления был получен ряд документов по истории рода Ломоносовых: «Дело об освобождении от рекрутства потомства Ломоносова», «Список рода Ломоносовых», «Дело о том, что И. Ф. Лопаткин является внуком Ломоносова» и др.

Одним из самых значительных событий юбилейных торжеств стали подготовка и открытие грандиозной для своего времени историко-художественной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В Академии наук была образована особая комиссия «по ее устройству». Председателем комиссии стал неперменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, «комиссаром выставки» — известный искусствовед барон Н. Н. Врангель, а художником-оформителем Е. Е. Лансере.

В феврале 1911 года в газете «Правительственный вестник» была опубликована информация о том, что «Государь Император всемилостивейшее соизволил принять выставку “Ломоносов и Елизаветинское время” под Высочайшее свое покровительство»⁴⁵.

Этот организационно-административный аспект во многом обеспечил успех данного предприятия, так как «Высочайшее покровительство» обязывало все государственные учреждения беспрекословно представлять на выставку любые предметы, признанные для нее необходимыми.

Кроме того, выставочной комиссии удалось развернуть активную деятельность по получению для выставки памятников из богатейших тогда в России частных собраний. Интересные сведения об этом мы нашли в воспоминаниях В. А. Рышкова, который являлся в то время чиновником особых поручений в Академии наук и непосредственно организовывал работу по получению необходимых для выставки памятников-экспонатов⁴⁶.

В. А. Рышков, в частности, записал в своих мемуарах о том, что известный московский предприниматель А. В. Морозов передал для выставки интересные гравюры с изображением императрицы Елизаветы и М. В. Ломоносова, ценные предметы из серебра, фарфора и стекла. Текстильный фабрикант Д. Г. Бурылин — грамоту императрицы Елизаветы о пожаловании М. В. Ломоносову дворянства, золоченую чернильницу в виде глобуса, несколько ценных ларцов. Графиня Н. М. Сологуб из Москвы — редкое собрание детских игрушек елизаветинского времени. Известный коллекционер А. А. Бахрушин — портрет М. В. Ломоносова, вырезанный на кости и т. д.

Ценные экспонаты для выставки были получены и от общественных организаций. Так, руководитель «Общества любителей древней письменности» граф С. Д. Шереметев в своем письме от 18 мая 1911 года сообщал президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу о том, что общество предоставляет для выставки «подлинную рукопись путешествия П. И. Челищева по северу России»⁴⁷.

Выставка была развернута в залах Императорской Академии художеств и открыта для посещения с 17 апреля по 21 июня 1912 года, ее посетило более 20 тыс. человек⁴⁸.

В преддверии Ломоносовского юбилея руководством Академии наук было принято решение активизировать деятельность научного сообщества по изучению жизни и деятельности великого ученого. Для этой цели было решено организовать под эгидой самой Академии несколько конкурсов на лучшие научные работы по данной тематике. На Общем собрании Академии наук, состоявшемся 6 февраля 1910 года, были утверждены темы таких работ на конкурс 1911 года, на соискание престижной академической «Премии имени тайного советника М. Н. Ахматова». Все три Отделения Академии наук предложили для конкурса темы по своим научным дисциплинам⁴⁹.

*Афиша выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»,
работы Е. Е. Лансере. Апрель–июнь 1912 года*

*Портрет М. В. Ломоносова, вырезанный на кости.
Подарок А. А. Бахрушина Академии наук,
в связи с 200-летним Ломоносовским юбилеем. 1911 год*

Мы позволим себе перечислить конкретно названия всех тем, предложенных Академией наук на конкурс научных работ 1911 года, так как это, на наш взгляд, дает достаточно ясное представление о тех приоритетах, которые существовали в то время в академическом научном сообществе, а также о степени актуальности той или иной проблематики.

Итак, Общим собранием Академии наук были утверждены следующие конкурсные темы.

I. Отделение физико-математических наук.

Общая тема: «Ломоносов как провозвестник современных течений в области физико-химических наук».

Частные темы.

1. «По метеорологии и атмосферному электричеству».
2. «По вопросу о силе тяжести».
3. «По мореходству».
4. «Оценка работ Ломоносова по новым инструментам и приборам».

II. Отделение русского языка и словесности.

1. «Словарь научного и литературного языка Ломоносова».
2. «Труды Ломоносова по русскому языку».
3. «Поэтические произведения Ломоносова и их отношение к западноевропейским образцам».

III. Историко-филологическое отделение.

1. «М. В. Ломоносов — Императорской Санкт-Петербургской Академии наук профессор» (изучить деятельность М. В. Ломоносова в Академии наук, а также в состоявших при ней учреждениях (особенно в Географическом департаменте, Университете и Гимназии); определить значение этой деятельности для истории русского просвещения).

Через несколько месяцев Академией наук был объявлен еще один конкурс научных работ, приуроченный к юбилею. В кадетской газете «Речь» от 21 мая 1910 года сообщалось следующее: «Ввиду исполняющегося 8 ноября 1911 года 200-летия со дня рождения великого русского ученого М. В. Ломоносова, Императорская Академия наук доводит до всеобщего сведения, что при Академии наук существуют премии за ученое жизнеписание Ломоносова»⁵⁰.

В рамках данного конкурса была учреждена одна «Большая» премия в 2 000 руб. «За ученое жизнеписание Ломоносова, с оценкой его деятельности», и четыре «Малых» премии по 500 руб. каждая о следующих направлениях деятельности ученого:

- «физика и химия»;
- «минералогия, геология, металлургия»;
- «философия и словесность»;
- «география, статистика, политическая экономия и русская история».

Следует отметить, что премирование по обоим вышеупомянутым конкурсам осуществлялось не из сумм бюджетных ассигнований самой Академии наук, а только за счет средств, предоставляемых меценатами в частном порядке.

В ходе подготовки Ломоносовского юбилея Академией наук были предприняты попытки осуществить несколько научно-издательских проектов. Прежде всего, были сделаны попытки продолжить начатое в 1891 году академиком М. И. Сухомлиновым собрание сочинений М. В. Ломоносова (М. И. Сухомлинову удалось подготовить и издать до своей смерти, последовавшей в 1901 году, только пять томов). В связи с юбилеем были начаты работы над VI томом. Так, в типографии Морского министерства было осуществлено «изготовление гравюр, с медных досок, с изображением зарисованного Ломоносовым северного сияния». По этому поводу президентом Академии наук великим князем Константином Константиновичем 5 февраля 1911 года было направлено письмо начальнику Главного Гидрографического управления Морского министерства А. И. Вилькицкому с «выражением искренней признательности за содействие делу издания сочинений Ломоносова»⁵¹.

Однако крайне скромные финансовые возможности Академии наук не позволили осуществить все замыслы. Удалось опубликовать две книги: работу Б. Н. Меншуткина «Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание» (СПб., 1911) и сборник научных статей о жизни и деятельности ученого: «Ломоносовский сборник» (СПб., 1911). Причем книга Б. Н. Меншуткина была напечатана небывалым для подобных изданий тиражом в 80 тыс. экземпляров и была приобретена многими учебными заведениями империи.

Подготовка к Ломоносовскому юбилею была ознаменована и еще одним важным начинанием Академии наук, призванным служить делу увековечения памяти о великом ученом.

Общее собрание Академии наук, проходившее 5 декабря 1909 года, согласилось с предложением «Комиссии» «о постановке памятника Ломоносову в Санкт-Петербурге на линии между Императорской Академией наук и Императорским Санкт-Петербургским университетом»⁵².

Вполне понятно, что средств для осуществления данного предложения у Академии наук не было. В связи с этим и в соответствии

с решением Общего собрания президент Академии наук великий князь Константин Константинович 24 января 1910 года направил министру народного просвещения А. Н. Шварцу письмо, в котором просил его «об испрошении всемилостивейшего Государя Императора соизволения Академии наук открыть повсеместный сбор пожертвований на памятник»⁵³.

По существующему тогда порядку, право «испрашивать» что-либо у императора имели чиновники не ниже ранга министра, в порядке своих «всеподданнейших докладов» царю.

Несколько опережая ход нашего повествования, отметим, что решение вопроса о получении этого «всемилоостивейшего соизволения» затянулось на полтора года и положительное свое решение получило только в июне 1911 года.

С достаточной долей объективности можно предположить, что верховная власть была вынуждена искусственно сдерживать количество выдаваемых «патентов» на право сбора пожертвований, как бы «дозировать» этот процесс. Видимо, число благих намерений в области культуры, просвещения и здравоохранения в России было велико, а бюджетных ассигнований на эти цели выделялось мало. В то же время, частыми сборами пожертвований можно было дискредитировать эту идею, и собирать средства становилось бы с каждым разом все труднее и труднее.

Во всяком случае, только 6 июня 1911 года, уже новый министр народного просвещения, Л. А. Кассо сообщил великому князю Константину Константиновичу о том, что Государь Император «в 25 день минувшего мая Всемилоостивейше соизволил разрешить Императорской Академии наук открыть всероссийский сбор добровольных пожертвований на сооружение памятника Ломоносову»⁵⁴.

Заметим, что данное «соизволение» было в этот раз получено по «всеподданнейшему» докладу не министра народного просвещения, а министра внутренних дел П. А. Столыпина. Видимо, великому князю Константину Константиновичу для положительного решения вопроса пришлось применить «оружие более крупного калибра», и он обратился за помощью к П. А. Столыпину, который в это время занимал еще и высокий пост Председателя Совета министров.

Между тем, в Санкт-Петербурге развернулась оживленная дискуссия по вопросу о месте установки будущего памятника. По существовавшему тогда бюрократическому порядку, ходатайство

Академии наук по этому вопросу было направлено санкт-петербургскому градоначальнику, тот обратился с этим к городскому голове с тем, чтобы вопрос был вынесен на обсуждение в заседании Городской думы. Соответственно, вопрос на заседании думы начал готовить ее исполнительный орган — городская управа. Она, в свою очередь, «истребовала» заключение одной из своих комиссий — комиссии по народному просвещению.

В заключении думской комиссии, представленном в апреле 1910 года, по этому поводу было сказано следующее: «Находим более уместным поставить таковой памятник на набережной реки Невы за тротуаром, так же, как памятник адмиралу Крузенштерну»⁵⁵. Напомним, что Общее собрание Академии наук 5 декабря 1909 года избрало место для будущего памятника «на линии между Академией наук и Университетом».

Любопытно, что свою позицию думская комиссия обосновала тем, что еще 19 декабря 1907 года Городская дума приняла постановление о том, что «на площади перед Санкт-Петербургским университетом предположено поставить памятник профессору Д. И. Менделееву, на что Городской думой ассигновано 25 000 руб., и с Высочайшего соизволения открыт повсеместный сбор пожертвований на него»⁵⁶.

Через несколько месяцев позиция Городской думы по этому вопросу несколько изменилось. В связи с этим, Министерство народного просвещения 23 января 1911 года сообщило Президенту Академии наук о том, что дума «признала наиболее соответственным избрать местом постановки памятника середину Университетской линии при соединении ее с набережной реки Невы»⁵⁷.

Однако к этому времени уже изменилось и мнение самой Академии наук по этому поводу. 2 февраля 1911 года академическая Комиссия единогласно решила просить Городскую думу о разрешении «воздвигнуть памятник Ломоносову не в начале Университетской линии — месте узком и неудобном для такой цели, а против фасада главного здания Академии наук, лицом к ней, на набережной, причем возможно, для расширения места, сделать гранитный выступ в самую реку Неву»⁵⁸.

Рамки нашего исследования не позволяют продолжить изложение истории этого вопроса, но можно подвести итог повествованию и отметить, что в 1986 году, к 275-летнему юбилею

М. В. Ломоносова памятник, наконец, был воздвигнут на месте, определенном последним решением Городской думы: «на середине Университетской линии, при соединении ее с набережной реки Невы».

Как уже упоминалось выше, организация и проведение юбилейных торжеств в Академии наук были одним из способов привлечь внимание государственной власти к наиболее насущным потребностям развития науки. Данное обстоятельство нашло свое отражение в одном из значительных начинаний, зародившемся в процессе подготовки Ломоносовского юбилея — мы имеем в виду идею создания «Ломоносовского института».

Эта идея имела свою историю. В начале подготовки юбилея академическая «Комиссия» письменно обратилась к российским научным обществам, университетам, учреждениям культуры с просьбой представить свои конкретные предложения по проведению празднования. Из целого ряда мест подобные предложения поступили, их тексты хранятся ныне в архивном фонде «Комиссии».

Но, одно из таких предложений сразу же получило положительную оценку и поддержку руководства Академии наук. Это было предложение Совета Варшавского университета о создании научного учреждения нового типа — «Ломоносовского института». Авторами идеи являлись профессор В. В. Курилов и архитектор А. И. Яблонский. При этом предусматривалась организация научно-исследовательского института по изучению физико-химических наук. Авторы идеи ссылались на передовой опыт в этом плане, имевшийся в Германии, где уже был реализован замысел Александра Гумбольдта по созданию подобного института, который получал финансирование за счет фонда императора Вильгельма II.

24 ноября 1910 года на заседании физико-математического отделения Академии наук академик Б. Б. Голицын доложил своим коллегам о том, что они вместе с непременным секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом «минувшим летом осмотрели ряд пустопорожных мест в Санкт-Петербурге с целью найти подходящий участок для сооружения здания Ломоносовского института, все участки оказались не подходящими для указанного назначенному»⁵⁹. На заседании было решено — «продолжить поиски».

В конце декабря 1910 года газета «Новое время» опубликовала статью автора проекта профессора В. В. Курилова. В ней, в частности, говорилось следующее: «Нельзя забывать, что в Германии, где университетов втрое больше, где лаборатории лучше оборудованы, чем у нас, тем не менее и там признана необходимой организация учреждений, подобных Ломоносовскому институту»⁶⁰.

В газете приводились и конкретные данные о стоимости «Варшавского проекта».

— Постройка института — 330 000 руб.

— Стоимость оборудования — 100 000 руб.

Содержание штатной численности — 100 000 руб. в год (директор, 2 помощника, 2 лаборанта и 30 «практикантов»).

Руководители Академии наук продолжали работать над воплощением этого проекта в жизнь. С. Ф. Ольденбург в одном из своих писем, направленных летом 1911 года великому князю Константину Константиновичу, докладывал ему следующее: «Мы ведем переговоры с Думою относительно места для Ломоносовского института, записку о котором позволю себе приложить»⁶¹.

Центральным моментом упомянутой С. Ф. Ольденбургом «Записки» была просьба ученых к императору Николаю II «принять под Свою Высокую руку новое научное начинание» (то есть взять организацию Института под свое покровительство).

Уже после проведения юбилейных торжеств, 14 марта 1912 года император Николай II в Царском Селе принял депутацию Академии наук по этому вопросу. В состав депутации входили: неперменный секретарь С. Ф. Ольденбург, академики Б. Б. Голицын, Ф. Н. Чернышов и П. И. Вальден. В ходе аудиенции С. Ф. Ольденбург прочитал императору академическую «Записку». В ответ на это император сказал, что «придает большое значение мысли о новом исследовательском институте и охотно примет Ломоносовский институт под свое покровительство»⁶². Ученые доложили царю свое мнение о том, что «наиболее подходящим местом для института был бы участок Старого Гостиного Двора, рядом с местом, уже отведенным под будущее библиотечное здание». Император «вполне одобрил» и это мнение ученых и повелел, чтобы «весь вопрос об институте прошел установленным порядком»⁶³. Скорость решения подобных вопросов в России «установленным порядком» была

медленной, поэтому начавшаяся мировая война помешала осуществиться этому замыслу.

Но усилия Академии наук по организации Ломоносовского института не прошли даром и несколько позже все-таки принесли свои плоды. Видимо, сама идея создания исследовательских институтов к этому времени уже вполне «овладела умами» российского научного сообщества. На второй год войны в составе Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Отделы этой комиссии и стали основой организации ряда институтов. В 1918 году были организованы Институт физико-математического анализа и Институт по изучению платины и других благородных металлов, в 1921 году — Физико-математический институт, в 1925 году — Почвенный институт и т. д.

Можно сказать о том, что ряд серьезных замыслов и начинаний, связанных с Ломоносовским юбилеем, Академии наук осуществить не удалось. Главной причиной подобного положения дел, на наш взгляд, были крайне ограниченные финансовые возможности Академии.

Постараемся подтвердить данное наблюдение соответствующим фактическим материалом. Так, на заседании Общего собрания Академии наук 4 декабря 1910 года непреходящий секретарь С. Ф. Ольденбург огласил финансовый отчет юбилейной Комиссии. В нем речь шла всего о двухстах рублях, которые были потрачены на решение следующих задач:

- «составление научной библиографии»;
- «подготовительные работы по устройству выставки “Ломоносов и Елизаветинское время”»;
- «оплата изготовленных копий архивных документов».

С. Ф. Ольденбург попросил «ассигновать еще 100 рублей для работ Комиссии. Собранием было положено: «Сообщить об этом в Правление Академии наук»⁶⁴.

О другом примере мы позволим себе рассказать более подробно, так как он дает совершенно ясное представление о сути этой проблемы.

В данном случае речь шла о 1 500 рублях, необходимых для издания книги Б. Н. Меншуткина «М. В. Ломоносов. Жизнеописание». Академия наук неоднократно обращалась в Министерство народного просвещения с просьбой выделить деньги для этой цели.

В первый раз министерство отказало в этой просьбе своим письмом от 9 июня 1911 года, где говорилось «о неимении средств на этот предмет»⁶⁵.

На повторную просьбу Академии наук был получен ответ от 23 июня 1911 года, подписанный самим министром Л. А. Кассо. В нем было сказано следующее: «Рассмотрев Ваше ходатайство об отпуске пособия в 1 500 рублей на издание биографии Ломоносова, имею честь уведомить, что я не нахожу возможным оказать такое за неимением средств на этот предмет»⁶⁶.

В третий раз Л. А. Кассо отказал своим письмом от 23 сентября 1911 года, сославшись «на полное отсутствие ресурсов», при этом министр предложил Академии наук сначала произвести оплату расходов из своих средств, а уже потом «возместить таковые за счет продажи издания»⁶⁷.

Здесь мы не удержались от желания особо отметить эту замечательную сентенцию большого чиновника, показывающую, насколько традиционны и системны в России чиновничьи «чаяния» о самокупаемости науки и вообще о приоритете «прикладных научных исследований».

Причем Академией наук уже были получены с мест и обобщены сведения о том, что учебные заведения страны хотели бы получить для своих библиотек 40 тысяч экземпляров книги Б. Н. Меншуткина. Академия наук, верная своим давним просвещенческим традициям, считала, что в связи с юбилеем было бы вполне оправданным бесплатно разослать весь тираж книги по учебным заведениям России. Но главный организатор просвещения в империи имел на этот счет другое мнение.

Положение с изданием книги Б. Н. Меншуткина становилось критическим, так как юбилейные торжества уже приближались. 8 сентября 1911 года этот вопрос опять обсуждался на Общем собрании Академии наук. С. Ф. Ольденбург доложил собранию о том, что Министерство народного просвещения уже четырежды отказало выделить деньги на издание книги. Финансовые возможности Академии позволяли напечатать только тысячу экземпляров (это при том, что со всей России уже были получены запросы на 40 тысяч экземпляров).

Далее неременный секретарь проинформировал собрание о том, что книгоиздатель В. В. Нордгейм просит Академию разрешить ему издать книгу необходимым тиражом с тем, чтобы

возместить свои расходы после его реализации⁶⁸. Собранием было принято решение: «Представить В. В. Нордгейму выпустить в свет книгу в количестве экземпляров по его усмотрению».

В самые короткие сроки В. В. Нордгейм напечатал 40 тысяч экземпляров книги, потом повторил выпуск этого тиража, причем все книги были распроданы.

Руководители Академии ответственно подошли и к вопросу подготовки проведения самих торжеств, продумывались вопросы о составе их участников, месте проведения, тематика докладов и др.

23 мая 1911 года на заседании Комиссии было принято специальное постановление по этому вопросу. В нем, в частности, говорилось следующее: «Торжественное публичное собрание Императорской Академии наук провести 8 ноября... испросить согласие Государя Императора присутствовать на нем...»⁶⁹

На этом же заседании было решено просить поэта К. Р. (президента Академии наук) подготовить текст праздничной кантаты, а музыку просить написать композитора А. К. Глазунова.

В этот же день было принято решение о приглашении на торжества иностранных ученых и представителей иностранных Академий и научных обществ.

11 июня 1911 года С. Ф. Ольденбург направил великому князю Константину Константиновичу разработанный Комиссией 23 мая 1911 года «проект порядка чествования на благовоззрение Вашего Высочества». Внимательное прочтение этого письма вызвало у нас некоторое замешательство в трактовке одного из важных вопросов. В протоколе заседания Комиссии, проходившего под председательством С. Ф. Ольденбурга, несколько раз было совершенно конкретно указано на участие в торжествах иностранных ученых. Однако в своем письме к президенту, написанном всего через две недели после заседания Комиссии, он высказал по этому вопросу совсем другое мнение: «Что касается приглашения иностранцев, то лично я бы думал, что времени остается мало, и известность Ломоносова в тесном круге специалистов пока еще не велика; поэтому лучше, может быть, было бы ограничиться приглашением русских ученых и просветительных учреждений»⁷⁰. В свою очередь, президент Академии наук на полях письма напротив этих слов написал: «Согласен».

С известной долей объективности, можно предположить, что у этой проблемы были свои, главные причины финансового

порядка. Руководители Академии наук хорошо понимали, что приглашение иностранных коллег требует довольно значительных расходов, что денег на эти цели в Академии нет, и что источник финансирования изыскать не удастся. Наверное, было непросто разъяснить ученым — членам Комиссии истинную суть данного обстоятельства, кроме того, следовало еще и соблюдать «правила игры», но обманывать друг друга непременно секретарю и президенту не имело никакого смысла.

Заметим, что на полях письма напротив текста о кантате поэт К. Р. написал следующее: «Весьма польщен. Постараюсь, но обещать не могу»⁷¹. Правда, автором музыки стал не А. К. Глазунов, а А. С. Танеев, который не являлся профессиональным композитором, а в это время занимал заметный в системе государственной власти пост Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Торжественное собрание решено было проводить в прекрасном зале Дворянского собрания. Губернский предводитель дворянства князь М. Салтыков в своем письме от 1 сентября 1911 года сообщил великому князю Константину Константиновичу о «полной готовности предоставить зал для Торжественного заседания»⁷².

8 ноября 1911 года великий князь Константин Константинович открыл торжественное собрание Академии наук. После исполнения кантаты «были произнесены четыре речи»:

— профессора Б. Н. Меншуткина «Ломоносов как естествоиспытатель»;

— академика А. И. Соболевского «Ломоносов в истории русского языка»;

— академика П. И. Вальдена «Ломоносов как химик»;

— профессора В. В. Сиповского «Литературная деятельность Ломоносова».

Празднование Ломоносовского юбилея в 1911 году в очередной раз со всей убедительностью продемонстрировало, что Академия наук является признанным общероссийским центром культуры и науки.

Приведем только некоторые данные о том, насколько высок был уровень представительства участников Торжественного собрания. Так, 28 октября 1911 года председатель Государственного Совета М. Г. Акимов сообщил руководителям Академии, что на соб-

рание придут 27 членов этого высшего органа государственной власти и управления⁷³. В том числе: вице-председатель Государственного Совета И. Я. Голубев, адмирал А. А. Бирилев, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, генерал от инфантерии А. А. Фрезе и др.

29 октября 1911 года председатель Государственной Думы М. В. Родзянко также сообщил Академии, что в торжестве примут участие 27 членов Государственной Думы⁷⁴. Среди них были товарищи председателя Думы князь В. М. Волконской и М. Я. Капустин, секретарь Думы И. П. Созонович и др.

По распоряжению церковных властей, во всех церквях Санкт-Петербурга 7 ноября 1911 года была «совершена заупокойная литургия и панихида по Ломоносову, с произнесением Бозе, почившему М. В. Ломоносову, с произнесением соответствующих поучений»⁷⁵.

Следует сказать и о том, что достаточно объемный комплекс документов, отложившихся в фонде юбилейной Комиссии, сам по себе является ценным и интересным собранием источников по истории отечественной культуры и науки начала XX века и, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

Таким образом, у нас есть достаточно веские основания считать, что на протяжении нескольких предреволюционных десятилетий Академия наук оставалась признанным и авторитетным общероссийским центром культуры и науки и играла заметную роль в общественной жизни России.

Примечания

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
2. Через год, в декабре 1894 г. и третий, последний инициатор идеи, Александр Иванович Кирпичников, был избран членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и литературы.
3. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34. Л. 102–103.
4. Позднее, в 1926 году академик Ф. И. Успенский вспоминал о том, что «от 30 до 40 экземпляров “Известий Института” находили своих читателей в европейский странах», и с горечью добавлял: «Но нельзя скрывать, что в России покупалось не больше того» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34. Л. 105,).
5. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34.
6. Там же. Л. 163.

7. Там же. Р. IV. Оп. 4 а. Д. 19. Л. 8.
8. Там же. Ф. 4. Оп. 2–1895. Д. 42. Л. 2.
9. Там же. Л. 9.
10. Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1913 год. СПб., 1913. С. 346–347.
11. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 2–1895. Д. 42. Л. 31.
12. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 56.
13. Там же. Д. 26. Л. 9.
14. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1902. Собр. 3. Т. XIX. С. 375.
15. Цит. по: *Нелюбин Г. К. Р.*: Критико-биографический этюд. СПб., 1902. С. 58. Здесь великий князь Константин Константинович допустил неточность, так как А. С. Пушкин мог быть «лучшим украшением» только Российской Академии, а не Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. В то время это были два самостоятельных научных учреждения, каждое со своим Уставом, президентом и, соответственно, со своими членами.
16. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1900. Д. 147. Л. 13.
17. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 13–15.
18. Там же. Д. 26. Л. 50.
19. От редакции // Церковно-общественный вестник. 1914. № 8. 20 фев. С. 8–9.
20. ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28. Л. 105–106.
21. Там же. Д. 15. Л. 9–11.
22. Там же. Д. 14. Л. 24–28.
23. Там же. Д. 1. Л. 56–57.
24. Там же. Л. 59–60.
25. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полугом 2. М.; Пг., 1923. С. 947–948.
26. Там же. С. 543.
27. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1915. Д. 35. Л. 90–99.
28. Там же.
29. Нужды просвещения. (Записка 342 ученых) // Русь. 1905. № 20. 27 янв.
30. ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 117.
31. Там же. Л. 117–118.
32. Там же. Л. 121.
33. Там же. Л. 138.
34. Там же. Л. 148.
35. Там же. Л. 151.
36. Там же. Л. 154.
37. П. А. Столыпин. Переписка. М., 2007. С. 269–270.
38. ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 79.

39. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1905. Д. 152. Л. 37–37 об.
40. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 80 об.
41. Там же. Л. 77.
42. Там же. Л. 60.
43. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1905. Д. 152. Л. 78.
44. Там же. Оп. 1 а Д. 156. Л. 35 об.
45. Правительственный вестник. 1911. № 27. 4 фев.
46. Рышков В. А. Воспоминания незаметного человека // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. На 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 251–252.
47. ПФА РАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.
48. Выставка Ломоносов и Елизаветинское время: Путеводитель / Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг и др. СПб., 1912.
49. ПФА РАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
50. Об Академии наук // Речь. 1910. № 137. 21 мая.
51. ПФА РАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
52. Там же. Д. 1. Л. 84.
53. Там же. Л. 84 об.
54. Там же. Д. 2. Л. 142.
55. Там же. Д. 1. Л. 164 об.
56. Там же.
57. Там же. Д. 2. Л. 33.
58. Там же.
59. Там же. Д. 1. Л. 248.
60. Курилов В. В. Ломоносовский институт // Новое время. 1910. 30 дек.
61. ПФА РАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–130 об.
62. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 14 об.
63. Там же. Л. 15.
64. Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 259.
65. Там же. Д. 2. Л. 122.
66. Там же. Л. 144.
67. Там же. Л. 200–200 об.
68. Там же. Л. 231.
69. Там же. Л. 93–93 об.
70. Там же. Л. 130–130 об.
71. Там же.
72. Там же. Л. 170.
73. Там же. Л. 307–308.
74. Там же. Л. 317.
75. Там же. Л. 329.